

Все повторится

*Посвящается Мишель,
которая не знает об этом.*

...и все повторится!
это правда — не бывает конца:
горизонт всегда впереди,
и даже с вершины Эльбруса
он виден внизу.

...и все повторится —
эта трава, от росы тяжелая,
и внезапная радуга в небе,
и метель холодно-веселая,
и мед на кусочке хлеба,
и хрупких незабудок наивность смелая,
и птицы молодой песнь неумелая, —
все повторится,
но мы, из атомов собранные заново,
притянемся ли друг к другу снова?
А пока нам
снятся сны
неодинаковые...

Единственный друг

Ты вошел без стука —
в свою жизнь только я
вхожу так.
Без одежд и без слов,
нужных кому-то, только не мне,
— но и тебе они не нужны.

Ты не просил принять
и понять тебя —
это не нужно,
еслиходишь как мятежник в столицу.
Ни богатство,
ни слава,
ни даже любовь
тебе не нужны —
я знаю;
и если за чем ты гнался,
так это за собственной тенью,
и однажды в полдень
наступил на нее,
как на трофей —
удачливый охотник,
ты хотел чего-то еще...
Но я так не и узнал — чего:
ты в дверь постучал — телеграммой:
тебя больше нет.
И дверь осталась открытой,
но в нее никто не смеет входить.

Воздушный змей

Ну вот, скажу тебе: «Пора...»,
Ты улыбнешься — надеюсь! — «Мне тоже...»,
Бросишь взгляд — конечно, в сторону —
И зачем-то спросишь:
«Ты позвонишь?...»,
Как будто забыла:
я не люблю
Телефоны,
СМС,
ММС и весь этот хренесс,
и что мне ответить — «йес»?
Но я врать не умею,
Пожимаю плечами:
«Быть может...»,
А что еще я могу ответить?
Ну, правда, не знаю.
Или не хочу знать.
Ты не отпускаешь —
Ни взглядом, ни жестом,
Ни даже легким взмахом руки,
когда не поймешь:

То ли «прощай», то ли «пока» —
Эдак небрежно, и просто,
И отчаянно,
Как будто все еще впереди —
Может быть.
Быть может, не знаю.
Не скажу: «Отпусти...»
Я сам себя отпускаю —
Как воздушного змея,
Разжимаю пальцы —
Еще можно ухватить ниточку,
Но зачем?
Пусть летит!
Но ты не отпускаешь...
Мне пора...
И мне тоже...
Все было хорошо...
Я рада...
Ты не знаешь еще:
Ухожу на пять минут раньше,
Потому что
Мне трудно сказать:
«Вот и все...» —
Невозможно сказать.
Но ты этого не узнаешь.
А змей улетает,
даже если на нем
написано твое имя...

Строки, написанные карандашом на смятой салфетке в отеле «Токио»

...Да! Вянут хризантемы...
А если не вянут —
скрывает их снег,
но это не значит,
что не расцветут снова!
Да! Улитка заползет
На вершину Фудзи...
И не важно, какой ей
Откроется вид —
Она приблизилась
к звездам!
Да! Я иду туда,
Не знаю куда,
а если бы знал,
мне было бы
не совсем интересно...

А если что и знаю,
так это то,
что не захочу
закрывать глаза
утром —
навсегда...

Привет

странную историю ты рассказал:
каждое утро на дорожке в парке человека
встречаешь
— лет десять уже, пожалуй;
вы смотрите друг на друга и проходите мимо,
и ни разу он не поглядел в глаза —
впрочем, ты тоже;
гиря портфеля в руке,
кустом омелы шарф обмотался на шею,
пыль всех дорог ботинки впитали —
одинокий тот человек не смотрит на небо,
и смородины лист зеленый не знает тепла
его рук,
все птицы без имени и о чем поют, он
не знает,
а ты знаешь!
И все звезды, такие далекие, близко-близко
в твоих глазах;
и ветер приносит запах дальних стран;
из травы вылетают божьи коровки,
и клочьями висит туман —
легкий и розовый в лучах солнца...
«Доброе утро!» — сказал ты сегодня,
но человек не остановился, не поднял глаз,
сосредоточенно — как заводная игрушка —
прошагал мимо и только потом оглянулся...
почему мы проходим мимо?
это так невыносимо сложно — сказать
«Здравствуй!»
всем нам иногда хочется остановиться —
не каждый решается,
остановись и не оглядывайся,
смотри прямо — в зрачки,
и смейся, сколько хочешь — ты прекрасен!
гиря прошлого мешает?
а может, ты просто боишься:
все будет не так, как хотелось бы...

Но, даже оглянувшись, ты этого не узнаешь,
потому что
сначала стоит
сказать «привет»...

Читая Сомерсета Моэма

Я хотел увидеть тебя в шестьдесят лет,
мне казалось: ты не будешь старушкой,
а если и будешь — совсем незаметно,
просто станешь взрослей,
но бандану не снимешь,
и, напевая «Леди Джейн»,
по-прежнему легко нарисуешь на губах
улыбку:
«Привет! А я как раз варю кофе по-мароккански...»
твоя кошка чихает от перца — как прежде,
а у меня кружится голова,
и весь мир — вверх тормашками...
когда тебе будет шестьдесят лет,
ты наконец-то выйдешь из монастыря науки,
веселая профессорша с кучей званий,
наград, монографий и оравой учеников
— великая,
я так и не понял твоих теорий, а может, и не хотел понять.
«Привет! Ты прочитал «Театр»?
— в ответ качну головой: «Дочитываю...»
Тридцать три года назад
там, на вокзале,
ты небрежно втиснула книгу в руку,
которой я хотел погладить твои волосы,
взмахнула ладошкой: «Счастливо!» —
и пошла, не оборачиваясь, и ладошку не опускала:
счастливо — пока — до свиданья — будь,
и не забудь о черном перце для кофе...
А потом, уже в другом городе,
разбирая багаж, я нашел пластинку
«Тюльпаны из Амстердама»,
и на ней надпись:
«Мне никогда не будет шестьдесят лет, не надейся».
Когда вчера я выбежал за черным перцем
— как был, нараспашку, вдруг понял:
потерялся на тридцать три года —

ты вспоминала, что я не принес перец?
а может, это уже не важно?
Я тебя никогда не увижу.
А надеялся: вот будет шестьдесят лет...
Не будет.

Когда не проснусь

однажды я не проснусь,
и пусть кричат «браво!» и аплодисментов
не жалеют —
на «бис» уже ответить не смогу,
и слез не надо —
я всегда не знал, что делать, когда плачут,
ты знаешь...
и цветы мне не несите —
выпустите желтых бабочек,
а не получится — разбросайте листья дерева
гинкго;
и Альбинони пусть звучит, потом — «Я
не жалею ни о чем»,
и снова и снова поет пусть Эдит,
а «Падает снег» — напоследок:
я не приду к тебе этим вечером,
знаешь ли, так получилось...
однажды я не проснусь,
а ты — просыпайся
и ни о чем не жалея,
разве что — когда будешь смотреть на огонь,
в золу превращающий письма,
записки,
все эти билетки
и записные книжки, —
тень улыбки пусть вспорхнет
желтой бабочкой на твои губы...
знаешь что? принеси желтую розу,
если бабочек вдруг не будет.
Вот и все, потом — тишина...

Перевод Николая Семченко

